

Глава 1

Самое сложное в любой истории — это начало. С чего всё началось? С рождения? До рождения? За секунду до смерти? Наши истории начинаются тогда, когда что-то (или кто-то?) стирает всю прежнюю жизнь и ставит вокруг нас новые декорации. Играй — или умри. Третьего не дано. Но когда это происходит? Когда первые искры превращают жизнь в пожар?

Для большинства это происходит постепенно. Мне повезло больше. Я точно помню, как, войдя в подъезд, почувствовал запах дыма и подумал: «Наверное, у кого-то что-то сгорело». Помню, как поднялся к себе на этаж, вставил ключ в замочную скважину. Помню, что она оказалась мне горячей. И совершенно точно помню, что успел сообразить: дымом пахнет из нашей квартиры. «Опять Настя что-то готовила», — мелькнуло в голове. Потом я повернул ключ и толкнул дверь.

За порогом стеной стоял огонь. Квартира полыхала так, будто в ней разлили не меньше тонны бензина. В лицо мне дышало жаром, а я стоял, раскрыв рот, и ни о чем уже не думал. До тех пор, пока из квартиры не слышался крик.

— Настя! — заорал я и, сбросив зачем-то рюкзак, кинулся туда, в самое пекло.

Я не герой. Герои — те, кто побеждают. А я просто идиот, которому слишком страшно стало от мысли, что младшая сестрёнка живьём горит в этом аду.

Крик повторился. Похоже, из ванной комнаты, — умница, сообразила! — и я вломился туда сквозь прогоревшую дверь. Меня осыпало углями, глаза слезились, дышать было нечем, кожа, казалось, лопалась от нестерпимого жара. Но что хуже всего, я ничего не видел.

— Настя! — прохрипел я.

Мне показалось, что я вижу смутный силуэт. Я двинулся к нему, а в голове, будто у себя дома, уже развалилась омерзительная мысль: обратно мне не выйти даже одному. Но я сделал ещё один шаг, и объятая пламенем фигура протянула ко мне руки. Прежде чем я понял, что это не Настя, она коснулась моей головы. Перед глазами что-то ослепительно вспыхнуло, и пришла тьма.

«Быстро, — подумал я. — И совсем не страшно».

* * *

Но если это и была смерть, она оказалась какой-то странной, потому что я начал дышать. Тяжело, с хрипами, но всё-таки в лёгкие проникал настоящий воздух, пусть и немного затхлый.

Я лежал на холодном каменном полу. Может, он был не таким уж и холодным, но обожжённым рукам казалось, что пол сделан из чёрного непрозрачного льда. Впрочем, насчёт «обождённых» я тоже погорячился: когда я посмотрел на свои ладони, они оказались целыми и невредимыми. Да и вообще, я на удивление хорошо сохранился, даже волосы остались на месте, только вот рубашка и джинсы местами подгорели, да подошвы у кроссовок оплавилась.

Прокашлявшись, я поднял голову. Потом сел и осмотрелся. Где это я? Одно могу сказать точно: место это вижу впервые. Что было понятно и раньше: не припом-

ню я помещений с каменными полами. Камень, к слову, был явно настоящим, не какая-нибудь имитация.

Я сидел в круглом зале, совершенно пустом, за исключением статуи посередине. Статуя изображала мужчину со сложенными на груди руками. Роба незнакомая, но такая надменная, что в неё сразу же захотелось плюнуть, а то и кулаком зарядить. Но я сдержался. Оно понятно, каменный мужик сдачи не даст, даже такому омега-хлюпику, как я. Но бить искусственного соперника — это как спать с резиновой женщиной. Я ещё не до такой степени на себя плюнул.

Перед мужиком была клумба. Может, это и как-то по-другому называлось, но я видел каменный квадрат в полу, заполненный землёй, и никаких других ассоциаций он у меня не вызывал.

Я встал и задрал голову. Купол, накрывающий зал, прорезали щелевидные окна, через которые проникал тусклый свет. Свет звёзд и луны — я видел их на чёрном ночном небе.

Стоп! Я ведь только что вернулся из школы и точно помню, что светило солнце. Так какого же чёрта наступила ночь? И вообще, давайте уже по порядку. Где я?!

Стоило сформулировать вопрос, как перед глазами запылали огненные буквы.

Внедрение успешно завершено.

Покрасовавшись пару секунд, буквы эффектно исчезли, как будто прогорели дотла.

— Да ладно! — воскликнул я и даже не вздрогнул от гулкого эха. — Вы что, серьёзно?!

В игрушки я никогда не играл: как-то было лень и не до того. Читал много, это да, но жанр ЛитРПГ не

оценил. Так с какого перепугу вселенной понадобилось так надо мной поглумиться? Ку-ку, ребята, там, наверху! Это не мой заказ, мне — просто смерть, пожалуйста! Единственный квест, который мне по силам выполнить, — это спать двадцать четыре часа подряд. Ну, или с умным видом читать на уроке мангу, пряча её за учебником алгебры.

Тут я услышал шаги. Я быстро повернулся, одновременно волнуясь до заикания и надеясь на разъяснение ситуации.

В зал вёл единственный вход — арка высотой в полтора человеческих роста и пропорционально широкая. Огонь осветил каменные ступени, ведущие к арке откуда-то сверху. Вот на них показались тени...

Шестеро человек в балахонах, похожих на монашеские рясы, спустились в зал. Они держали в руках факелы. Самые, блин, настоящие средневековые факелы! — палки с намотанной на них какой-то фиговиной, которая горела долго и ярко.

— ?*%;%;%*%*)(*? — рявкнул на меня один из них. Во всяком случае, на мой слух это звучало как-то так, записать услышанное кириллицей я бы не взялся.

— Руссо туристо, — на всякий случай отозвался я.

Ну а вдруг всё это какая-нибудь ролёвка или типа того? Поведу себя неправильно — меня и выкинут. Выкинутым мне как-то проще, привычнее: со стороны легче разобратся в ситуации.

Воодушевленный этой идеей, я добавил:

— Watashi wakaranai.

Задумка частично сработала: мужики озадачились и переглянулись. Я улучил момент, чтобы их разглядеть. Мужики как мужики, лет по сорок, серьёзные. Вряд ли, конечно, они тут в ролёвку играют.

— !№;%№”;%! — решил один, у которого ряса была чисто чёрного цвета, в отличие от остальных, облачённых в разные оттенки серого.

И тут перед глазами опять загорелись буквы.

Приготовиться: производится перезапись лингвистической базы.

Я заорал. Подозреваю, что визжал, как девчонка, от невыносимой боли. Казалось, будто в голову напихали не меньше дюжины кипяtilьников и столько же паяльников, а потом плеснули кислотой. Что-то стиралось, сгорало в мозгу, и нейроны заходились в истерике. Но это были ещё цветочки.

Когда всё было стёрто, я обнаружил себя на полу в позе эмбриона, скулящим и дрожащим. Надо мной склонились обеспокоенные лица монахов.

— (*(%;№? — спросил один.

И этого мне хватило, чтобы понять: со мной ещё не закончили.

Следующая вспышка боли была ещё изощрённее. Казалось, будто в голове что-то выцарапывают ржавым циркулем. Тщательно, скрупулёзно, с методичностью маньяка-убийцы, расчленяющего очередную жертву.

Меня вырвало. Я плакал, я задыхался и думал: если и сейчас не смерть, то даже не знаю.

Но это была не смерть. Всё закончилось так же внезапно, как началось, и огненные буквы известили:

Перезапись лингвистической базы завершена. Структурное соответствие — 87%. Общее наречие. Дialeкт Сезан.

Я прочитал эту лабуду, но как — сам не понял, потому что вместо привычных букв видел невообразимые иероглифы, нисколько не напоминающие ни кандзи, ни даже древнеегипетские письмена.

Буквы исчезли, и я перевёл дух.

— Братя, я всё-таки склонен считать, что молодой человек пьян либо одурманен, — услышал я.

— Да хоть бы и то, и другое, — отозвался другой голос. — Он пробрался в святилище, он осквернил его.

Меня нежно попинали носком сапога. Я поднял слезящиеся глаза и увидел хмурое усатое лицо.

— Как будешь оправдываться? — буркнул монах.

Я слышал всё те же невообразимые созвучия, но теперь они были для меня как родные, будто я с рождения их слышал. И когда я открыл рот и заговорил, выяснилось, что говорю я точно так же, но теперь смысл наполнял каждый звук.

— Кто вы такие? Что тут происходит?!

— Пьянь, — констатировал другой монах. — Я позову рыцарей.

Никто ему не возразил, и я услышал быстрые удаляющиеся шаги.

Усатый монах наклонился и, подхватив меня под мышки, легко поставил на ноги. Я покачнулся, лишний раз подтверждая их выводы о моём состоянии.

— Как ты сюда вообще пробрался? Святилище охраняется, вход был заперт.

— Я домой шёл, а там...

Тут в памяти сверкнули языки огня, я услышал гул пламени, почувствовал запах гари, и тело на миг словно бы ощутило нестерпимый жар. И крик. Исполненный боли и ужаса крик!

— Настя! — выдохнул я и, вытаращив глаза, уставился в усатое лицо. — Где она?

— Что такое «настя»? — спросил монах, и я заметил, как инородно, неправильно звучит имя из его уст. Что-то вроде Нийаситиа, даже не передать.

— Моя сестра! — выкрикнул я. — Где она? Она... Она тоже здесь?

Я крутил головой. Пятеро монахов смотрели на меня — кто с презрением, кто с удивлением.

— Ты из академии? — спросил усатый.

В голосе его мне послышалось что-то странное. Он будто протягивал мне спасательный круг, но я понятия не имел, как им воспользоваться.

— Печать, — потребовал он и, схватив меня за правую руку, повернул её тыльной стороной вверх. — Покажи печать.

Я с недоумением таращился на свою ладонь.

— Да какая печать? — отозвался другой монах. — Он же совсем молокосос и одет в незнамо что. Откуда ты?

— Из Красноярска, — тупо ответил я.

Название города прозвучало ещё хуже имени сестры. Повторить его не решился ни один монах.

— Точно пьяный, — услышал я вердикт. — Или безумный. В любом случае решать не нам.

Со стороны входа послышался топот тех, кому, видимо, предстояло решать. Я повернул голову. Монахи расступились, и я увидел самых настоящих рыцарей. Их было двое, на них были доспехи, на головах — шлемы, а в ножнах на поясах висели мечи.

— Видите? — говорил идущий следом за ними монах. — Так-то вы несёте свою службу? Небось спали?

Рыцари выглядели смущёнными, но смущение быстро уступило место злости.

— Мы никогда не спим на посту! — рявкнул один из них.

Они схватили меня за руки. Латные перчатки больно сжали кожу, и я вскрикнул. Похоже, меня таки выкинут сейчас куда-нибудь. Слава... Кому слава, я сразу подумать не сумел: слова подходящего не было. Спустя секунду в голове родилось: «Слава Огню», и лёгкая боль кольнула в виски.

— В каземат его бросим, — заявил рыцарь. — Утром разберёмся.

Глава 2

Меня выволокли на улицу и потащили по каменной дороге. Я, сообразив, что рыцари мне не рады, благоразумно решил пока помолчать, хотя слово «каземат» мне совсем не понравилось. Вместо того чтобы задавать вопросы, я начал крутить головой.

Была ночь, но луна светила ярко, и от величия окружающего пейзажа у меня перехватило дыхание. Вокруг меня высились скалы. Острые пики уходили высоко в небеса.

Ветер дул тёплый, и это лишний раз утвердило меня в мысли, что я уже не дома: в наших краях даже летом по ночам лучше без куртки не выходить. Я посмотрел на рыцарей и проникся сочувствием. Каково им-то, в тяжелой броне?

— Может, я сам пойду? — предложил я. — Обещаю, убежать не стану.

Ответа не последовало, и я расслабился. А что ещё было делать?

Вывернув шею, я посмотрел назад и увидел осквернённое мной святилище. Оно, как будто каменный мяч,

вернее, его половинка лежало посреди горной гряды. Вход в святилище напоминал вход в пещеру и был расположен выше него. Это мне показалось странным. Инстинкт подсказывал, что когда речь идёт о чем-то священном, логичнее делать его выше, но здесь у людей, видимо, были другие понятия.

Где-то шумела вода. Дорога петляла, и звук становился то глуше, то громче. В одном месте мы миновали развилку и пошли по узкой тропе. Более широкая вела вниз, и я изловчился посмотреть туда. Увидел внизу каменную стену, тянущуюся в обе стороны, сколько хватало глаз. Увидел ворота.

Видимо, мы находились в какой-то крепости, расположенной в горах. Похоже, тут всё очень серьёзно. А если так, то зачем тут сдался я? Кому бы задать этот вопрос? Вот бы в каземате оказался какой-нибудь мудрый старец, который даст хоть пару-тройку ответов из той сотни, что мне позарез нужны.

— Твёрдой почвы под ногами, рыцари, — слышался глухой, но сильный голос. — Что сотворил этот юноша и куда вы его ведёте?

Я с надеждой посмотрел на появившегося на дороге человека. Это был немолодой мужчина, но волосы его и борода были чёрными, как у молодого. Волосы он завязал в хвост и выглядел бы как потёртый жизнью хиппи, если бы не плащ. Настоящий такой плащ, тёмно-серый, всё как полагается. Мужчина закутался в него полностью, даже рук не было видно.

— И вам твёрдой почвы, почтенный Мелаирим. — Рыцари остановились и чуть склонили головы. — Этот проходимец пробрался в святилище и всполошил служителей. Бросим в каземат, утром глава ордена решит, что с ним делать.

— Кто бы мог подумать, — покачал головой почтенный Мелаирим. — Пробраться в такое укреплённое место... И при этом выглядеть столь жалко. Я склонен видеть здесь волю случая, а не злой умысел. Так ли обязательно ломать жизнь мальчику? Может быть, я заберу его к себе, выясню всё, а вас избавлю от забот?

Он не шелохнулся, но из-под плаща отчётливо донеслось звяканье. Этот звук, надо полагать, во всех мирах универсален. Даже я понял, что рыцарям предлагается взятка. Ненавязчиво так. Мол, ну, захотелось мне монетками побренчать, что такого-то.

И рыцари задумались. Ненадолго.

— Нет, почтенный Мелаирим, — с видимой неохотой сказал тот, что держал меня за левую руку. — При всем уважении дело замять не удастся. Он осквернил святылице, служителям придётся принимать меры.

Вот засада! Это всё из-за того, что меня вырвало? Да Огонь с ним, дайте тряпку, я всё уберу! Ну вот, опять этот «Огонь». Что он у меня в голове делает?

— Осквернил?! — воскликнул Мелаирим. — Что ж, это, конечно, непростительно. Исполняйте свой долг, благородные рыцари. Каждый должен нести ответ за свои поступки.

Он пошёл дальше своей дорогой, однако, когда проходил мимо, то быстро и внимательно посмотрел мне в лицо и, кажется, подмигнул. Впервые в жизни у меня на сердце потеплело от подмигивания незнакомого мужчины.

— Что встал? Пошёл! — рявкнул на меня рыцарь справа.

Здорово, теперь я ещё и виноват. А кто, спрашивается, избаловал меня, таская на руках?

Выпендриваться я не стал, пошёл ногами. Рыцари по-прежнему держали меня с двух сторон, но не так жёстко.

Казематы оказались также высеченными в толще скалы, как и святилище, но выглядели поскромнее. У входа рыцари запалили факел. Меня протащили широким коридором и бросили в одну из камер. А потом произошло вот что: из пола у меня на глазах выросли металлические прутья и упёрлись в потолок. Решётка закрылась. И рыцари преспокойно ушли.

Я поёжился: тут было прохладно. И к слову, темно, хоть глаз выколи. Окошко в каземате имелось, но, видимо, выходило на соседнюю скалу, которая напрочь загораживала свет.

Я вытянул руки, сделал пару шагов и во что-то упёрся коленом. Наклонился, пощупал. Похоже, койка или типа того. Тоже каменная, но застелена чем-то вроде облезлой шкуры. Пахло так себе, но я присел: не в моем положении было брезговать.

Могли бы хоть факел оставить, изверги. Хотя... Стоп! А вот это уже мысль на миллион. Я сунул руку в карман джинсов и улыбнулся. Смарт оказался на месте. Вот бы он ещё работал...

От перенесённого жара корпус чуть-чуть деформировался, я ощущал это пальцами. Но когда я нажал на кнопку включения, экран засветился, и на меня посмотрела знакомая мордашка Рены из аниме «Когда плачут цикады». Здравствуй, милая, рад тебя видеть. Сети, разумеется, нет и в помине.

Я провёл пальцем по экрану и увидел цифры. Вернее, приготовился увидеть цифры, а увидел непонятные закорючки. То есть цифры-то были обычными, которые в первом классе изучают, но я их совсем не разобрал.